

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: РЕЦЕНЗИИ

Антонов К.М. **Философия религии в русской метафизике XIX - начало XX века.** – М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. – 360 с.

Монография доктора философских наук, доцента ПСТГУ, научного редактора «Вестника ПСТГУ» Константина Михайловича Антонова представляет собой анализ развития идей философии религии в русской мысли XIX - начала XX вв. С этой точки зрения подробно рассматриваются сочинения русских философов указанного периода. Автор приходит к выводу о существовании единой линии в развитии религиозной рефлексии в России, а также об оригинальности и значительности её вклада в решение традиционных проблем философии религии.

Работа состоит из введения, трех глав и заключения.

ВО ВВЕДЕНИИ автор обосновывает своё понимание философии религии, которое использует в данной работе, а также её разграничение и генетическую связь с теологией, религиоведением и религиозной философией. Здесь же он формулирует и задачи своего исследования. Таковыми являются: проблематизация понимания русской философии как «религиозной» по преимуществу; уточнение очевидной связи и не менее очевидных различий русской и западноевропейской философских традиций, в том числе и в области философии религии. При этом основным материалом своего исследования автор делает представителей религиозно-метафизического направления русской философии.

ПЕРВАЯ ГЛАВА посвящена авторам начала - второй половины XIX в. (П. Я. Чаадаев, И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, М. А. Бакунин, П. Д. Юркевич, Ю. Ф. Самарин). Это первый этап, когда происходит формулировка проблем в процессе усвоения немецкой классической философии и внутренней полемики между различными направлениями. Отдельный раздел посвящён обсуждению восприятия Ю. Ф. Самариним философии религии М. Мюллера.

ВО ВТОРОЙ ГЛАВЕ содержится обзор произведений русских философов последней четверти XIX в. (В. С. Соловьёв, Л. М. Лопатин, кн. С. Н. Трубецкой, кн. Е. Н. Трубецкой). В работах этих авторов философия религии приобретает вполне систематический характер, начинает играть заметную роль в их философских системах. Кроме того, возникает образ новой религиозной личности, которая может служить ответом на вопросы, вставшие перед западноевропейским мышлением.

В ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ речь идёт об авторах начала XX в. (С. Л. Франк, о. Павел Флоренский, В. В. Розанов, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков). Данная глава распадается на два раздела. Первый («Типология») даёт представление о трёх возможных позициях современного интеллектуала по отношению к Православной Церкви: отречение от новых общественно-культурных интересов ради возвращения в лоно Церкви (ранний Франк); поиск решения внутри самой Церкви (Флоренский); отказ от Церкви во имя созвучия современности (Розанов). Второй раздел предлагает обзор философии религии русских мыслителей данного периода по различным проблемам (соотношение догматики и творческого начала, атеизм, история).

В ЗАКЛЮЧЕНИИ автор приходит к выводу, что философия религии в русской метафизике рассматриваемого периода представляет собой интересный и плодотворный вариант решения ряда вопросов, поставленных европейской мыслью, законной частью которой является русская философия.

Книга снабжена избранной библиографией на русском языке, а также кратким описанием самой работы на английском языке.

Впечатляет размах проделанной работы. Подробное рассмотрение концепций множества авторов позволяет обозначить этапы становления философии религии в творчестве русских мыслителей, выявить основные проблемы и направления развития этой области философии.

Один из неоднозначных выводов автора заключается в том, что русская философия религии принадлежит западноевропейской традиции (она не осталась в стороне от воздействия идей данной философской традиции и, с точки зрения автора, следовала её проблематике). По мнению автора, предлагаемые русскими мыслителями решения открывают новые горизонты развития философии религии - но в рамках тех вопросов и проблем, которые рассматриваются европейскими мыслителями.

Для специалистов по философии религии, истории русской мысли, истории западноевропейской философии. Для религиоведов, историков, культурологов. Для филологов, занимающихся изучением русской литературы XIX-XX вв. Для исследователей, изучающих отдельные аспекты догматического богословия, христианской апологетики, нравственного богословия (аскетики), агиологии, истории Русской Церкви, истории России, сравнительного богословия (истории западных исповеданий). В ограниченном объеме издание может быть использовано в качестве дополнительного учебного материала для студентов и аспирантов гуманитарных вузов и факультетов, для воспитанников, студентов и аспирантов духовных учебных заведений, богословских вузов и факультетов. Настоящая работа носит преимущественно обзорный характер. Автор обобщает обширный материал по истории русской мысли более чем за столетие, избирая в качестве ключевого аспекта рассмотрения философию религии в широком ее понимании.

Кострова Е.А.

Астахова Л.С. Религиозное действие в контексте повседневности: опыт феноменологии религии. – Казань: Издательство Казанского университета, 2008. – 168 с.

Данная монография предлагает читателю весьма непростую проблему для решения: показать, в чем состоит сущность религиозного действия, не являющегося при этом обрядом или ритуалом, показать, каким образом мы можем его описать как сугубо религиозное. При этом, уже во введении, обозначая свою позицию, автор пытается примирить две практически взаимоисключающие точки зрения на исследование.

С одной стороны, автор пытается отказаться «от бихевиористских предпочтений, от парсонского гиперсоциализированного субъекта, реализующего нормативное давление культуры», и заменяет его «нормативно-нравственным давлением трансцендентальной реальности, реальности божественного»¹. В этом случае очевидна попытка говорить о «реальности божественного» как о реальности онтологической, что, в свою очередь, позволяет нам квалифицировать работу как теологическую². Более того, углубляя эту позицию, исследователь предлагает считать любого верующего «профессионалом

¹ Астахова Л.С. Религиозное действие в контексте повседневности. – Казань: Издательство Казанского университета, 2008. – С. 9.

² В данном случае понятие «теологический» не несет с собой никакой оценочности и несколько не обозначает «не научный» характер работы. С его помощью мы только хотим показать, что базовая позиция автора исследования основывается на убежденности в реальное существование «трансцендентального». И при этом мы сознательно оставляем в стороне проблематику оценки такого подхода как научного или нет.

религиозной деятельности»³, который *a priori* знает в изучаемой области больше, нежели «временные»⁴ исследователи. С этой точкой зрения также весьма сложно согласиться, поскольку человека, называющего себя верующим и православным (а работа написана как раз на материале, взятом из жизни православного прихода) и посещающего регулярно храм, и не знающего при этом символизма эпиклезы или херувимской песни (и таких прихожан в современном российском православии немало), сложно назвать экспертом.

С другой же стороны, автор использует подход П. Бергера и его «метод исследования феномена таким, каким он явлен в человеческом опыте, не поднимая вопроса об окончательном его статусе в реальности»⁵. И в этом случае мы говорим о подходе феноменологическом, применяя который в религиоведении мы, как ученые, должны следовать правилу исключения трансцендентного. Эта заданная изначально методологическая двойственность будет присутствовать в исследовании и далее.

Параграф 1.1 первой главы исследования автор пытается найти базовую категорию описания религии в целом и религиозного опыта в частности с тем, чтобы, как кажется, затем применить ее как индикатор религиозного/не религиозного относительно повседневного действия. В его поисках автор говорит о понятии «религия» и его терминологической истории, говорит о возможных подходах к анализу религии – рациональном (эволюционном), который в работе олицетворяют прежде всего античные философы Протагор и Критий⁶, и символическом, представленном Максом Мюллером⁷ – и в итоге приходит к понятию «сакральное». Его исследователь также считает не нейтральным, а также не свободным «от теистической персонализационной нагрузки»⁸, и тем самым выдвигает понятие «Божественное» как единицу анализа религиозных феноменов. При этом, – и в этом снова проявляется методологическая двойственность работы – в занимающем центральное место в работе определении религиозного действия этот термин не используется.

Как следствие, определение получается весьма широким и применимым не только к кругу религиозных действий: «Религиозное действие – система социальных актов, отражающих возникшие у людей сильные, всеобъемлющие и устойчивые мотивации, формирующие представления об общем порядке бытия, до или в процессе которых происходит переключение актора в соответствии с этими представлениями таким образом, что данные представления становятся в его восприятии единственно отражающими действительность (реальность), в соответствии с чем и установки, и мотивации, реализуемые актором, становятся (кажутся) единственно правильными»⁹. Приведем простой пример: предположим, что мы будем рассматривать развитие школьника, интересующегося физикой, который поступает в университет, заканчивает аспирантуру и затем становится академиком. Он в процессе своего обучения и исследовательской работы (системы социальных актов) может осознать, что физика – это единственно верный способ отражения действительности, и как следствие, его установки и мотивации в объяснении окружающего мира будут

³ Астахова Л.С. Религиозное действие в контексте повседневности. – Казань: Издательство Казанского университета, 2008. – С. 10.

⁴ Там же – С. 11.

⁵ Там же – С. 9.

⁶ Там же – С. 16.

⁷ Там же – С. 18. В данном случае не совсем понятны – и они явно не обозначены в работе – основания такого противопоставления или выделения только такого типа подходов.

⁸ Там же – С. 28.

⁹ Там же – С. 80.

(казаться) единственно правильными. Следовательно, исследовательская работа такого человека будет религиозным действием. Очевидно, что данное определение нуждается в уточнении.

Тем не менее, данная монография интересна с нескольких точек зрения. Прежде всего – это единственная работа на русском языке, полностью посвященная исследованию религиозного действия и проблеме его существования в повседневной жизни. Это взаимодействие, безусловно, имеет прямое отношение к проблеме разграничения религиозного и не религиозного и как следствие к проблеме определения религии, к прояснению которой монография вносит свой вклад. Во-вторых, работа являет нам пример мирного сосуществования теологического и религиоведческого подходов, разногласия которых в российской науке переросли в настоящую войну, ведущую к уничтожению – или очень сильному ослаблению обеих сторон. Таким образом, данную монографию можно рекомендовать для ознакомления как религиоведам, там и теологам.

Сафронов Р.О.

Будущее религии в Европе / Сб. ст.; под ред. И.Х. Максугова, О.К. Горевой. – СПб.: Алетейя, 2010. – 288 с.

Религиозная жизнь в европейских странах чрезвычайно многообразна, и она совсем не характеризуется господством одного политкорректного мировоззрения или же либерального христианства, отошедшего от традиционных ценностей, которое является опорой европейской демократии. Все это – стереотипы, не отражающие во всей глубине религиозность европейцев (их безрелигиозность, как и безрелигиозность россиян, как становится очевидным из исследований ученых – это также важная тема). Конкретные эпизоды развития религиозной жизни представлены в сборнике статей «Будущее религии в Европе», который издан по материалам одноименной конференции, проведенной Московским религиоведческим обществом на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова.

Целый ряд статей, посвященных православию, раскрывают неожиданное современное лицо Православных церквей в разных странах, в том числе и в России. Роман Коробко (Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН) в статье «Оценка численности прихожан православных церквей Тюмени» отмечает, что несмотря на различные официальные заявления численность людей, посещающих храмы РПЦ растет чрезвычайно медленно, и скорее происходит не рост, а перераспределение уже существующих верующих между храмами и праздниками (к примеру, помимо Пасхи и Рождества, многие ходят еще на Вербное воскресенье). Причем, данные по Тюменской области в целом совпадают с исследованиями социологов в других областях.

Сознание верующих иногда довольно сложно понять, если исходить из строгих церковных критериев. В статье Анны Соколовой (Институт Этнологии и Антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН) о религиозности сельских жителей России утверждается, что, пользуясь количественными методами, задавая прямые вопросы о посещении литургии или причастии можно легко получить картину абсолютной безрелигиозности населения (анализ сделан на основе опроса 2005 года среди жителей Селивановского района Владимирской области). Однако автор убежден, что респондентам присущи глубокие религиозные чувства, которые далеки от церковных догм и канонов и сочетаются с крайним религиозным невежеством.

В статье Елены Левкиевской ((Институт славяноведения РАН) «Механизмы неформальной коммуникации в современном православном дискурсе России» отмечается, в частности, на основе анализа различных текстов, что

средства коммуникации направлены на создание православного гражданского общества, иногда со своим специфическим церковным языком, а также на формирование социального облика Церкви в рамках разного рода инициатив – от приютов и волонтерских организаций до скаутов. С другой стороны, религиозная сфера и ее практики (такие как паломничество, продажа церковных товаров) встраиваются в общество потребления. Ольга Бреская в статье об индивидуализме и групповом сознании в современной православной общине дает развернутый обзор этих понятий в рамках христианской антропологии. По мнению Бреской, отношения индивидуализма и группового сознания в православном приходе носят парадоксальный характер. Персонализм, с точки зрения соборности, осуждается, но при этом в социальном измерении групповая солидарность проявляется чрезвычайно мало.

Между тем, за рубежами традиционно православных государств этот парадокс похоже удастся хотя бы отчасти преодолеть. В статье Анники Витамаар (Университет Южной Дании) «Православие в диаспоре: Русская православная церковь в Дании» описывается история и современное состояние православных общин в Дании. Они являются религиозным меньшинством, но при этом составляют яркую часть духовной жизни королевства. Если общины Московского патриархата остаются прибежищем русских, но приход, принадлежащий к Константинопольскому патриархату и возникший не так давно – в 2002 году – является островком датского православия, где служба ведется по датски. Более того, многие элементы церковной жизни восприняты из датской лютеранской традиции. Это центральная роль проповеди и совместное пение гимнов во время богослужения, простота и скромность во внутреннем убранстве церкви, а также церковные посиделки за кофе (church-coffee) после воскресной литургии для прихожан.

Развитие Финляндской православной церкви в эпоху постмодерна в статье рассматривает публицист Борис Колымагин. Эта церковь находится на стыке западной и восточной христианских цивилизаций и успешно отвечает на вызовы секулярной цивилизации, защищая традиционные ценности, но при этом развивая диалог со всеми христианами, прежде всего, с протестантами.

Философские проблемы будущего религии в Европе отражены в статьях Ларисы Астаховой (Казанский госуниверситет) «Религиозный опыт в условиях мультипарадигмальности христианства в Европе и России» и Германа Бокова (государственный музей истории религии, Санкт-Петербург) «Религиозные аспекты контркультуры и проблема будущего религии». Составными частями современной религиозной футурологии Боков считает секуляризацию общества, становление мультикультурного мира и единой мировой цивилизации.

Целый ряд статей посвящен исламу и отдельно отношениям ислама и христианства. Активизация суфийских организаций анализируется в статье Дениса Брилева (Донецк, Украина), а возможный союз ислама и христианства в Европе в статье Владимира Петрунина (Орловский госуниверситет). Автор уверен в том, что ислам заставляет европейцев пересмотреть нормы секуляризма и, возможно, христиане и мусульмане вместе будут ратовать за возвращение религиозных норм в европейский контекст. К примеру, известно заявление архиепископа Кентерберийского Роузена Уильямса о целесообразности введения некоторых норм шариата в правовое поле. Между тем, ситуация, когда европейцев-немусульман будет меньшинство может привести к тому, что именно ислам обогатившись за счет западной культуры, переживет свой расцвет в Европе.

Вместе с тем, далеко не только христиане и мусульмане борются за место под солнцем на европейском пространстве. Русскому родноверию, возрож-

дению славянского неоязычества, посвящена статья Каарины Айтатурто (Университет Хельсинки), перспективы развития дзэн-буддизма анализирует Майя Бабкова (МГУ им. М.В. Ломоносова), о религиозности цыганских сообществ на Балканах пишет Ксения Трофимова (МГУ им. М.В. Ломоносова). Трофимова подчеркивает, что мистицизм и индивидуализм, определенная широта цыганской души нашли свое воплощение в возникновении цыганских суфийских тарикатов и протестантских объединений. И это вполне отражает влияние глобализации и культурную трансформацию, которая затрагивает в Европе все народы.

Мистицизм в политике анализируется в статье профессора Джовани Касадио (Университет Салерн, Италия), а визуальная антропология в статье Хейко Грюнведеля (Университет Эрлангена, Германия). Межхристианские отношения, развитие религиозных процессов в целом затрагиваются в статьях Олега Киселева (Институт философии им. Г.С. Сковороды), Олега Гринцевича (РГГУ), Светланы Ворониной (МГУ им. М.В. Ломоносова), Надежды Александровой и Эльвиры Хисматуллиной (Казанский госуниверситет). Как подчеркивается в статье Надежды Александровой «Будущее религии в России в контексте НРД: социально-психологические основания» тенденция к периодическому формированию закрытых религиозных общин сохранится. Все большее развитие религиозного плюрализма чрезвычайно востребовано в современном обществе. Дело в том, что человек в постоянно изменяющемся мире с быстрым потоком информации ищет приемлемую для него картину мира, которая бы исчерпывающе ответила бы на все вопросы, ту общность, в которой он будет себя чувствовать комфортно.

Несмотря на то, что сборник снабжен необходимым научным аппаратом (аннотации статей на английском языке), он не производит впечатление цельной книги. Конечно, сборники докладов любой конференции производят часто довольно пестрое впечатление, но данный сборник лишен всякой структуры, статьи в нем находятся практически в произвольном порядке, давая работу самому читателю по поиску родственных тем из представленных 21 статей. Философские доклады, посвященные более общим теоретическим проблемам, помещены и в середине и в конце книги. Более того, не соблюдена даже дифференциация статей по страновому признаку или по признаку одной конфессии, что создавало бы впечатление освещенности хотя бы одной тематики. В частности, сборник начинается статьей Елены Левкиевской о механизмах неформальной коммуникации в православной среде, затем идет статья Ольги Бреской о православии в Белоруссии, затем статья о Православной церкви в Дании, а после нее в Тюмени. А ближе к концу сборника дана статья о политическом православии в Украине уже после статей о язычестве и буддизме. Этот сборник трудно критиковать за то, что он не затрагивает ключевых проблем будущего религии в Европе – в нем нет ничего о развитии Католической, Лютеранской церквей, об актуальных дискуссиях о роли религии, образовании, плюрализме, веротерпимости и т.п., идущих в европейском обществе, о предпочтениях и стереотипах европейцев. Тем не менее, бросается в глаза резкое отличие и несоответствие статей, где изучается практическая религиозность, и чисто теоретических статей, которые на этом фоне кажутся слишком отвлеченными и оторванными от религиозной жизни вообще (как, например, статьи Надежды Александровой о социально-психологических основаниях НРД, Ларисы Астаховой о религиозном опыте в условиях парадигмальности, Германа Бокова об аспектах контркультуры).

Вместе с тем, в сборнике дается довольно объемная картина будущего религии в Европе. С одной стороны, у любого человека есть большой выбор среди духовных, религиозных, культурно-религиозных традиций и сообществ,

как старых, так и совершенно новых, причудливых и постмодернистских. В европейских странах этот выбор намного более велик, цивилизован, широк и свободен, чем в любой другой части Света (возможно, лишь, что такая свобода и многообразие есть еще в Латинской Америке). С другой стороны, всегда встает вопрос о том, во что сложится в будущем эта мозаика мультикультурности и многорелигиозности, к каким последствиям для национальных культур и исторических церквей это приведет. В любом случае, как показывают научные исследования, традиционная религиозность не уходит из общества – она трансформируется сам по себе, на ее основе или в противовес ей появляются другие верования, и этот процесс не остановить.

Лункин Р.Н.

Киселев О.С. **Феномен екуменізму в сучасному християнстві** [Киселев О.С. Феномен экуменизма в современном христианстве]. – К.: НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2009. – 133 с.

Экуменизм – одна из самых сложных и интересных проблем, как в богословской, так и в религиоведческой литературе. Что разделило церкви? Почему они разделились? Откуда появилось стремление к объединению? Как христианские конфессии объединяются? Нужен ли экуменизм церквям? Вот лишь малая часть вопросов, которые интересуют исследователей экуменического движения и на которые они пытаются ответить. В 2009 году свое исследование, посвященное феномену экуменизма, опубликовал молодой украинский религиовед, кандидат философских наук Олег Сергеевич Киселев. В своей книге автор анализирует феномен экуменизма в современном христианстве и разнообразными аспектами его развития. Монография не большая по объему и состоит из введения, трех разделов и заключения.

Во введении автор обосновывает актуальность работы, кратко анализирует степень разработанности проблемы, ставит цели и задачи, оговаривает методологические принципы своего исследования.

Первый раздел «Экуменизм: понятие, феномен, формы проявления» является теоретическим, в нем автор рассматривает понятия «экуменизм», «экуменическое движение», «украинский экуменизм», выявляет истоки и причины экуменизма, анализирует формы экуменических отношений. О.С. Киселев разводит понятия «экуменизм» и «экуменическое движение», поскольку «поскольку первое шире, чем второе», хотя понятия эти являются родственными. Исследователь отрицает понятие «украинский экуменизм», полагая, что данный термин политически тенденциозен и не отражает реальной ситуации. Обращается автор и к причинам появления экуменизма, выделяя внешние (социально-культурные) и внутренние (закономерности развития религии) факторы. В последней части раздела, автор дает определение категории «экуменические отношения», полагая, что они «являются видом межхристианских или межконфессиональных отношений и направлены на взаимное сближение, а в конечном итоге, на христианское единство».

Второй раздел «Конфессиональные подходы к пониманию экуменизма» посвящен особенностям экуменических концепций Римско-католической церкви, Русской православной церкви, протестантских деноминаций. О.С. Киселев выделяет три подхода к проблеме христианского единства: протестантский (единство существует, надо его только найти), умеренно протестантский (единство в разнообразии), католиков и православных (единство возможно только в лоне Церкви либо Православной либо Католической). Олег Сергеевич полагает, что, несмотря на все различия, «некоторые требования в этих подходах повторяются... Их выполнение, конечно, не приведет к образованию еди-

ной Церкви..., но может сделать христиан ближе и даже стать основой для объединения...».

В третьем разделе «Экуменизм в пространственно-временном континууме» автор рассматривает тенденции развития экуменического движения в мире, анализирует региональные особенности экуменизма и исследует современную экуменическую ситуацию в Украине. О.С. Киселев последовательно проводит тезис, что экуменизм не является однородным явлением, он динамично развивается и меняется в зависимости от региональных и социальных условий, при изменении политических и экономических режимов. Эволюция экуменизма обуславливается также взаимодействием с секулярным миром и инославными религиями. Особый интерес у российского читателя, несомненно, вызовет авторский анализ экуменических отношений в Украине. О.С. Киселев, анализируя большой фактический материал, приходит к выводу, что «ситуация отвечает общим тенденциям Центральной и Восточной Европы, в которых с падением коммунистических режимов наблюдается спад экуменических настроений». Большой потенциал развития экуменического движения, как полагает автор, существует в межконфессиональных организациях - Совете представителей христианских церквей Украины, Украинский Межцерковный Совет. Однако, как полагает О.С. Киселев, скоро христианские конфессии столкнутся с ситуацией, когда религиозные споры нивелируются и на смену догматическим различиям придут новые бинарные оппозиции «религиозное – светское» / «консервативное – либеральное».

В заключении автор подводит итоги своего исследования и намечает проблемы, требующие дальнейшего решения: анализ интегративной и дезинтегративной функции экуменизма, корреляция между экуменизмом и религиозной индифферентностью, сравнительный анализ богословия диалога, различия в понимании христианами отдельных аспектов социальной этики и др.

Книга «Феномен экуменизма в современном христианстве» - первая монография Олега Киселева и, несомненно, она показывает исследовательский талант автора. Однако хотелось бы указать на моменты, которые вызвали некоторое недоумение при прочтении.

Во-первых, данная монография – это публикация диссертации, которую автор защитил в 2007 году и, несмотря на то, что автор переработал текст, он так и остался диссертационным. Особенно об этом свидетельствует структура введения и аспирантско-идеалистические фразы в тексте. Например, «Наше исследование, надеемся, будет способствовать не только углублению исследований экуменизма и межконфессиональных отношений, но и развитию экуменических отношений в Украине. Религиоведение вообще имеет потенциал (и частично его реализует) к примирению различных религиозных течений и движений». Подобные фразы хороши в разделе «Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования», но не в монографическом исследовании, которые читают специалисты. Как думается, автор слегка не учел, что монография – это новый шаг после защиты кандидатской диссертации и подразумевает особое прочтение идей, защищенных в диссертационном совете.

Во-вторых, О.С. Киселев не раз указывает, что экуменизм трансформируется под влиянием внешних факторов и при столкновении с секулярным миром. Иначе говоря, при фиксации богословских идей, религиоведы должны учитывать и историко-культурные реалии. В таком контексте, хотелось бы, чтобы автор больше уделял исторической канве событий (при сохранении существующего философско-религиоведческого анализа богословский и текстов). Например, события 1948 г., которые описывает Олег Сергеевич (да и все межправославные дискуссии в 50-70-хх. гг.) связаны не сколько с богословием диалога у православных, сколько с политикой Совета по делам религии и борь-

бой за первенство между Константинопольским и Московским патриархатом (см. к примеру Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор.- М.: Лепта-Пресс, 2004). Политика власти данного периода косвенно влияет и на современное отторжение экуменизма в Русской православной церкви Московского Патриархата.

В-третьих, уже в качестве пожелания, хотелось бы, чтобы в дальнейшем, автор уделил больше внимания развитию экуменизма в сложной, но интересной религиозной ситуации в Украине.

Отметим, что, несмотря на замечания, в целом, работа вызывает самое благоприятное впечатление, достойна высокой оценки. Надеемся, что эта первая монография Олега Сергеевича Киселева - задел в его научной работе.

Фолиева Т.А.

Костюк О.В. **Релігійний міф: становлення та трансформація.** – Київ: Міленіум, 2009. – 150 с.

В любой науке есть темы, актуальность исследований которых не нуждается в обосновании – это фундаментальные проблемы. Одной из таких тем для религиоведения в целом и философии религии в частности является «миф». Именно осмыслению мифа посвящена монография украинского религиоведа Александра Костюка.

Исходной точкой исследования является противопоставление «дореклексивного» и «рефлексивного» мифа. Фактически, речь идет о двух стадиях развития – из первой формы миф трансформируется во вторую. Позволим себе процитировать определения данных понятий: «Дореклексивный миф – это рассказ, воссоздаваемый как ценность, элементы которого в ментальном мире архаического человека не проблематизируются. ...элементы мифологического комплекса не просто очевидны для человека, они составляют его реальную жизнь» (С. 51-52). «Рефлексивный миф – это рассказ, воссоздаваемый обществом, как ценность, в основе которого положено, как интенцию, процесс проблематизации отдельных элементов мира» (С. 67). Таким образом, главным отличием двух стадий развития мифа является наличие проблематизации. Кроме того, автор пишет, что «рефлексивный миф» – это более широкое понятие, нежели «религиозный миф», поскольку объектом проблематизации могут стать социальная, светская и политическая сферы. В этом также можно разглядеть особенность рефлексивного мифа, поскольку такой дифференциации не наблюдается на уровне мифа дореклексивного или архаического.

Особенностью рефлексивного мифа, по мнению автора, является то, что его «создание и воспроизведение происходит на базе религиозного учения и соответствует его принципам. В основе лежат не мифические события и сюжет, а смысловая нагрузка мифа, его содержание, а не форма» (С. 93). Александр Васильевич подчеркивает, что миф не является религиозным в том случае, если он является «источником и предметом интерпретаций, а не принципов». Более того, в книге аргументировано доказывается, что атрибутивными условиями становления религиозного мифа являются религиозный синкретизм и общественный кризис, неотъемлемой предпосылкой является наличие универсального религиозного учения.

Следует отметить, что каждый приведенный тут тезис исследования автор довольно доходчиво аргументирует и иллюстрирует довольно обширным материалом из истории религий и обществ, в которых они проходили становление – это религии Древнего Египта и Вавилона, буддизм и древнеримская религия, иудаизм, конфуцианство и даосизм, христианство и ислам. Особенно интересным в данном контексте представляется последний раздел монографии

«Метаморфозы религиозного мифа (современный контекст)», в которых автор иллюстрирует свою концепцию на примерах социального учения католической церкви и неорелигиях.

Современные метаморфозы следует соотносить, по мнению автора, с такими факторами как сакрализация, секуляризация, мифологизация и демифологизация. Рассматривая энциклику папы Иоанна Павла II «*Laborem Exercens*» («Трудом своим», 1981) А. Костюк отмечает, что структура подачи идей тут является мифологической. Более того, в энциклике присутствует попытка сакрализации этических и социальных мифологем, посредством использования мифа о герое – Иисусе Христе. При этом сакрализация труда достигается только лишь благодаря частичной секуляризации учения церкви.

Наиболее интересным и новаторским является последний параграф работы, где автор рассматривает этические мифологемы учения К. Кастанеды, Р. Опшо и А. Ла Вея («неорелигии освобождения»), и соотносит их с транслируемыми ценностями массовой культуры. Как иллюстративный материал в монографии используются в первую очередь фильмы «Матрица», «Бойцовский клуб» и «Достучатся до небес». Фактически автор показывает тождественность идей массовой культуры и неорелигий: «эти идеи [массовой культуры], – пишет автор, – коренным образом отличаются от идей неорелигий освобождения тем, что в первых это лишь романтические идеалы, которыми кормят обывателя, а в последних этика, которой учат последователей при помощи практик на их собственном опыте реальной жизни» (С. 131-132). В последствии автор приходит к следующему заключению: «Современные религиозные деноминации имеют тенденцию все большего воспроизведения мифологем и отнесение на периферию религиозных мифов» (С. 134).

Главным недостатком работы, на наш взгляд, является несогласованность между собой структур дорефлексивного и рефлексивного мифов. Элементами первого мифа у автора выступают: действующее лицо, действие, нормы (С. 46); а второго: действующее лицо, проблематизированный элемент, альтернатива / антагонистическая ситуация, этический элемент (С. 59). Как видим у данных структур лишь один общий элемент, что, по нашему мнению, не верно. Ошибка автора тут в том, что он не удосужился выделить структуру мифа вообще, которая должна была стать отправной точкой для выделения особенностей структур дорефлексивного и рефлексивного мифов. В предложенном нами варианте структуры мифов отличались бы не основными элементами, а под элементами. иными словами мы говорили бы о различиях внутри элементов общей структуры мифа. Это упущение можно нивелировать лишь тем, что данный вопрос не является исходным пунктом для последующего исследования автора.

Книгу, в первую очередь, следует рекомендовать для прочтения специалистам в области религиоведения и философии.

Киселев О.С.

Справочник религиоведа. Выпуск I: Религиоведческие образовательные, научные и общественные институты современной России и Украины. [Текст] / НИИЦ, МАР; / Отв.ред Т.А. Фолиева, О.Я. Муха и др. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009.

Современное научно-образовательное пространство не способно оптимально функционировать без постоянной взаимосвязи. Координация научных проектов дает возможность сделать исследовательский процесс более эффективным, определить научные приоритеты, четче очертить поле научной проблематики, что требует своего разрешения. Поэтому появление справочно-

го издания «Справочник религиоведа» является исключительно полезным и своевременным. Религиоведение на постсоветских просторах – наука относительно молодая, перспективная, оснащенная кадровым и научно-институциональным потенциалом. Посему издания, содержащие детальное описание религиоведческих образовательных, научных и общественных институций современной Украины и России кажутся крайне необходимыми. Вызывает вдохновение сама идея такого справочника, а также старательность при исполнении скрупулезного и кропотливого труда, с которым авторский коллектив успешно справился.

Стоит обратить внимание на ряд чрезвычайно важных моментов, которые делают издание рецензированного справочника событием исключительного научного интереса:

1. Впервые увидело свет издание, которое компактно, сжато и одновременно исчерпывающе предоставляет информацию о научных и образовательных религиоведческих институциях. Можем только представить, насколько сложно и проблематично было собрать подобные данные. Обратим внимание, что это было сделано не в рамках одной области или региона, а двух огромных стран. География собранного материала просто впечатляет.

2. Четкой, продуманной, логично мотивированной и хорошо унифицированной представляется структура подачи и компактирования материала, которая включает краткую историю кафедр и научных подразделений, контактную информацию, данные о сотрудниках, их основные научные и научно-методические труды.

3. По нашему мнению, чрезвычайно важной является информация о научных направлениях или приоритетах кафедр и подразделений в целом и отдельных ученых. Это информация особого веса в контексте организации и координирования научных проектов, научного консультирования, оппонирования или руководства кандидатскими или докторскими диссертациями по специальности «религиоведение».

4. Собранная информация может быть чрезвычайно полезной для организации научных конференций, симпозиумов и круглых столов. Она открывает не только огромные перспективы для научной коммуникации, но, что особо важно, дает возможность обезопасить себя от дублирования или перефразированного повторения проблематики научных проектов, тем диссертационных исследований.

5. Изложенный в справочном издании материал позволяет создать своеобразную унифицированную сведенную таблицу научных религиоведческих профилей, наполнив ее именами тех исследователей, которые являются специалистами определенного религиоведческого направления.

Все выше приведенные позитивы дают основания чрезвычайно высоко оценить рецензированное издание, пожелать его редакторам и создателям творческого вдохновения, успехов в подготовке следующих, обновленных выпусков, которые, мы убеждены, смогут высветить сложную и мощную религиоведческую инфраструктуру в России и Украине.

Столь высоко оценивая подготовку «Справочника», считаем необходимым обратить внимание авторов на ряд пожеланий и рекомендаций, которые, по нашему мнению, могут быть полезными при издании следующих выпусков. Во-первых, прекрасно понимая, что охватить всю сеть религиоведческих центров, как научных, так и образовательных или общественных, чрезвычайно сложно, хотели бы посоветовать не столько авторам, сколько самим представителям этих религиоведческих центров, к каким, без сомнения, обращались создатели, быть более ответственными, инициативными и оперативными в сборе и подаче информации. Ведь в контексте идеи данного издания,

это исключительная возможность заявить о себе, собственных научных проектах и идеях, расширить круг научных контактов. Так, в разделе украинских религиозоведческих центров западного региона не хватает информации о Институте истории Церкви Украинского Католического Университета и Магистерской программе экуменических наук Львовского национального университета имени Ивана Франко. Они, хоть и частично конфессионально обусловлены, однако давно методично работают в русле академического религиозоведческого дискурса. Куда-то исчезла информация о Отделении межконфессиональных исследований Института социогуманитарных проблем человека Западно-украинского научного центра НАН Украины. Во-вторых, было бы чрезвычайно удобно составить дополнительные таблицы, содержащие сведенную унифицированную информацию о том, какой проблематикой занимаются религиоведы. Это существенно упростило бы поиск научных контактов. В-третьих, молодым ученым, их руководителям также было бы полезно увидеть информацию о защищенных в последние годы диссертациях по религиоведению, наиболее перспективных и приоритетных в диссертационном плане направлениях исследований.

Надеемся, что эти рекомендации будут полезными при подготовке следующих выпусков издания, смогут сделать его более информационно насыщенным.

Васьків А., Васьків Л.

Dennett D.C. *Breaking the Spell: Religion as a Natural Phenomenon.* – Penguin books, 2006. – 448 p.

Книга американского философа Даниэля Клиента Деннетте «Разрушая чары. Религия как естественное явление» («*Breaking the Spell: Religion as a Natural Phenomenon*»), вышедшая в 2006 году представляет собой подробно изложенную концепцию автора относительно происхождения, развития и сегодняшнего состояния религии. Кроме того, в книге приводится доказательство того, что религию следует изучать научными методами, потому что она является важным социально-политическим феноменом и его понимание необходимо сегодня обществу в связи с большим числом религиозных противоречий и конфликтов, а все существующие сегодня табу на исследование, должны быть сняты. Своей книгой Деннет утверждает что «Если нас хотят убедить в своей правоте, следует нам дать разобраться в деталях». И при помощи этого анализа он пытается разрушить два выделенных им вида чар: запрет на изучение религии и саму религию. Причем, он отмечает, что в сегодняшней ситуации второе заблуждение получает надежную защиту от первого.

Исследование, приведенное в книге, основывается на личных наблюдениях автора, проведенных им опросов и анализе прессы. Так же приводится большое число кратких изложений концепций современных ученых относительно происхождения религии и когнитивной психологии личности.

Для упрощения восприятия информации Деннет приводит очень много сравнений и параллелей, что действительно делает некоторые моменты книги понятнее, особенно для читателя, который раньше не сталкивался с подобными текстами. Например, на протяжении книги, он сравнивает религию с мюзькой, табаком, болезнью и т.д.

Книга состоит из трех частей, каждая из которых поднимает определенный вопрос, но при этом они постоянно перекликаются друг с другом.

Первая часть «Открытие ящичка Пандоры» представляет собой обоснование возможности и необходимости научного изучения религии. Деннет приводит множество примеров сегодняшней ситуации, в которой религия находится не только под защитой верующих, но и является чем-то вроде запретной темы для некоторых ученых. По его мнению, религия должна быть объектом

научного изучения, несмотря на то, что это вызывает гнев тех, кто охраняет религию от исследования. Главная причина, которая мешает сегодня научному исследованию религии – это боязнь верующих того, что их очарованность будет разрушена при детальном ее рассмотрении.

Во второй части «Эволюция религии» приводится подробная авторская концепция происхождения и развития религии. Исходя из натуралистического подхода, Деннет сопоставляет развитие религии с естественной эволюцией человечества. Возникновение религии рассматривается поэтапно, начиная от выработки особого хода мысли, возникновения предрассудков, закачивания появлением веры в сверхъестественного антропоморфного субъекта и оформлением этой веры в институализированное явление. После чего формируется понятие «Вера в веру», которое, по мнению Деннета, на сегодняшний день для многих религиозных людей является более важным, чем непосредственно вера в Бога и религиозные практики.

Третья часть «Религия сегодня» рассматривает современное состояние религии. В ней Деннет высказывает свое мнение по таким вопросам как отождествление веры в сверхъестественное с моралью, толерантность, нежелание верующих участвовать в дискуссии на равных, религиозность детей и связь духовности с себялюбием. Ни в одном из этих аспектов автор не находит аргументов в пользу религии.

Деннет не ставит финальную точку своим исследованием и не считает его окончательной версией теории происхождения религии, наоборот, в последней главе книги он призывает исследователей к эмпирическому изучению явления религии с целью накопления информации для дальнейших теоретических выводов.

Учитывая твердую атеистическую позицию автора и то, и то, что местами его критика религии слишком резкая и даже необоснованная, книгу не следует рассматривать как работу, которая является полным и окончательным изложением происхождения и существования религии с точки зрения когнитивистики, а скорее как пример одного из подходов.

Книга будет полезна всем интересующимся когнитивистикой, а так же современной западной философией и атеизмом.

Крихтова Т.М.

Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives / Ed. by Ammerman N.
– Oxford University Press, 2007. – 243 p.

Книга, которой посвящена данная рецензия, несомненно, относится к теме нашего номера – белые пятна истории религии. В отечественной религиоведческой традиции область, являющаяся предметом исследования этого сборника, а именно повседневная религия (everyday religion), практически не исследуется. На Западе эта тема, под разными названиями – lived religion, religion on ground и др., активно разрабатывается многими учеными и институтами. В отечественном же религиоведении в первую очередь рассматриваются тексты, организации, история религиозных традиций; повседневная жизнь, частная религиозность остаются за пределами исследований. Поэтому знакомство со сборником под редакцией Нэнси Аммерман, профессора социологии религии из Бостона, уже являющийся классическим, представляется необходимым для отечественных исследователей религии, социологов, историков, психологов религии.

Над сборником работал коллектив авторов, среди которых такой мэтр социологии как Петер Бергер, а также широко известные своими исследованиями в области социологии религии Грейс Деви из Великобритании, Миа Лёв-

хайм - исследователь киберрелигии из Швеции, Мередит Макгуайр из США, Энцо Паче из Италии.

Сборник разделен на три части:

Часть первая, «*Традиция низложена, но не утеряна*». В ней рассматриваются проблемы изменения традиционной религии в современном обществе: трансформация религий в киберпространстве, иудеи, не объединенные синагогами, молодежь, противостоящая традиции.

Часть вторая, «*Религия не на месте*». В ней собраны материалы, посвященные транснационализации религиозной жизни, присутствию религии в гражданской жизни, религиозным и нерелигиозным смыслам повседневной жизни.

Часть третья, «*Создание повседневной религиозной жизни*». Этот раздел является своеобразным заделом на будущее, описывая методологические проблемы и вопросы изучения повседневной религии.

Понятие «повседневная религия» восходит к введенному в 1967 году Томасом Лукманом «невидимая религия» (*invisible religion*). Другие ключевые теоретические основания для авторов рассматриваемого нами сборника – представление о рассеянной религиозности (*diffuse religiosity*), плюрализме, упадок теории секуляризации. Достаточно характерны и не лишены художественности такие термины как религиозный бриколаж (*religious bricolage*) и лоскутная религия (*patchwork religion*). Общий смысл этих выражений интуитивно понятен – здесь акцент делается на частный, индивидуальный религиозный опыт. Предметом исследования становятся религиозности, именно во множественном числе (р.6). Авторы утверждают, что в современной ситуации для исследования религии необходимо обратиться к мнению не-экспертов (хотя именно религиозные эксперты чаще всего интересуют традиционное религиоведение). Не-эксперты не менее религиозны, но они не пишут о своих религиозных идеях, часто и не размышляют на эту тему. Исследование внеорганизационной религии предполагает активное использование социологических методов, в особенности глубинных интервью. «Данная работа является вкладом в понимание парадокса – одновременного отсутствия и присутствия религии в современном мире» (р.4). Очевидно, что такой угол зрения достаточно нестандартен для российских религиоведов, но он может открыть новое поле для религиоведческих исследований.

Колкунова К.А.